

Рядом с Ахматовой

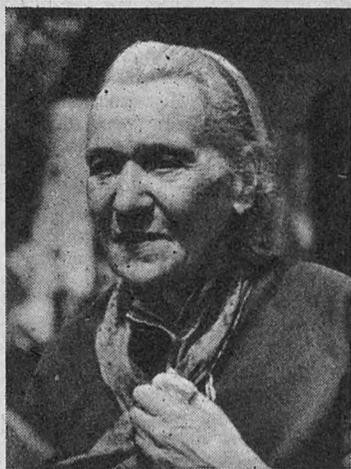
ИЗ ВОСПОМНИНИЙ НАРОДНОГО АРТИСТА СССР

АЛЕКСЕЯ БАТАЛОВА

27 июня в честь 100-летнего юбилея Анны Андреевны Ахматовой в доме на Большой Ордынке, где бывал поэт во время своего пребывания в Москве у близких друзей Н. Ольшанской и В. Ардова, открылась мемориальная доска.

На снимках: памятная доска: Н. Ольшанская — мать А. Баталова, почитатели творчества Ахматовой во время митинга.

Фото Анны Шиховской — родственницы поэта.

...КОГДА вместе с мамой я переехал в дом, где поселились писатели, вокруг нас появилось столько людей, связанных с событиями литературной жизни, с поэзией и непосредственно с Анной Андреевной, что в моем ребячьем сознании она сразу заняла особое, даже несколько таинственное, вроде инопланетянского место. Конечно, когда эти люди были для меня просто дяди и тети, и только много лет спустя я начал осознавать их настоящие места и вспоминать лица, совмещающая хмурого дядьку, жившего на пос-

леднем этаже по нашей лестнице, с Мандельштамом, а доброго и тоже в очках — с Ильфом, веселого сказочника — со Светловым, папу Сережи — с Булгаковым, а хозяйина замечательных игрушек — с Марге Залкой...

Может показаться странным, что, вспоминая о поэте, всплывают тончайшие движения женской души, я то и дело говорю о мужестве, о силе, о ясности взгляда, но — да простят мне настоящие биографы Ахматовой — без этой стороны ее человеческой природы не

могли бы явиться и многие строки ее сочинений, не мог бы возникнуть и тот покоряющий своей сложнейшей гармонией образ «человека на все времена», который и сейчас притягивает множество довольно далеких от поэзии людей. Оборвись жизнь Ахматовой раньше, чему было бы достаточно возможностей, не прожила бы она, вопреки туберкулезу, голоду, тифу, инфарктам, назло всем превратностям судьбы такую полную, а главное, ничем не прикрытую, ни от чего не защищенную человеческую жизнь, люди никогда не узнали, что скрывается за ее поэтической маской, чем обеспечиваются строки ее прекрасных стихов.

Как свидетельствует Л. Гинзбург, в ответ на замечания редактора, что судя по новому сборнику стихов, Ахматова совсем не изменилась, Анна Андреевна сказала:

— Если бы я не изменилась с 1909 года, вы не только не заключили бы со мной договор, но и не слышали бы моей фамилии.

Человеческие изменения, происходившие с Ахматовой, довольно ясно отражены даже в самом простом подборе ее фотографий. Она менялась вместе с временем, но оставалась собой, ее голос никогда невозможно было перепутать с другими. Жизнь безжалостно разрушала ее человеческое убежище, оставляя один на один со всем тем, что происходило вокруг, выплавляя из ее души, из ее судьбы все новые и новые строки золотых стихов. Времени было угодно, чтобы она не только пережила войны, выпавшие на долю ее поколения, но еще и оказалась ленинградской в самой страшной из них.

«А не ставший моей
могилой,
Ты, гранитный, крошечный,
милый,
Побледнел, помертвел,
затих.
Разлучение наше мнимо:
Я с тобою неразлучима,
Тень моя на стенах твоих,
Отражение мое в каналах,
Звук шагов в Эрмитажных
залах...».

Многие справедливо замечали, что в жизни Ахматова была похожа на портреты времен Возрождения. Судя по рисунку Леонардо да Винчи, где он изобразил себя стариком, она действительно вполне могла бы быть его сестрой, но в то же время и переодетым дожем Венеции и генуэзским купцом.

Ее уделом был не тихий музейный зал с уже обожествленными экспонатами, а скорее, сама та раздираемая противоречиями, пронизанная жестоким противоборством жизнь, в круговороте которой поэт оказалась трибуном и борцом, художником — мыслителем, а мореплаватель — ученым.

Данте — это и его миссия в Сиену, где он, пытаясь примирить враждующие города, произнес свою знаменитую речь. Микеланджело — это и создатель Давида и строитель укреплений в лагере мятежной Флоренции, где солдаты Медици охраняли его творение от покушений разъяренных горожан, норовивших камнями разбить скульптуру. Это и та ре-

альность, где не оказалось места для Данте и для стареющего Леонардо, который на чужбине через зеркало записал свои наблюдения. Все это невольно всплывает в памяти, когда, раскрыв книгу Ахматовой, вдруг как-то заново увидишь знакомые строки.

«И вот вошла. Откинув покрывало, Внимательно взглянула на меня, Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала Страницы Ада?»

Отвечает: Я»
Или еще:
«Но сознаюсь, что применила Симпатические чернила... Я зеркальным письмом пишу...».

Глубочайшая связь стихов Ахматовой с ее личностью, судьбой, со всем, что ее окружало, породила удивительный резонанс. Теперь, когда ее нет, но большинство сочинений стало известно публике, оказалось, что и без пояснения специалистов, а просто из стихотворений, статей, кусочков прозы Анны Андреевны люди легко и верно составляют ее портрет. Для меня несомненно, что эта близость, понятность любых, даже на первый взгляд весьма личных стихов Ахматовой объясняется прежде всего тем, что она до конца разделила и пронесла на своих плечах судьбу современников.

«Я была тогда с моим народом, Там, где мой народ, к несчастью, был».

Очень трудно указать, выявить ту сложную связь, которая пронизывает любые настоящие стихи и впрямую накоротко соединяет их с личностью, с самой будничной жизнью поэта. Но она есть.

Помню, я должен был что-то сделать для Анны Андреевны — не то сбегать куда-то, не то отыскать нужную ей книгу — и поэтому, вернувшись домой, уже с порога спросил, где Анна Андреевна.

— В больнице, — был ответ.

Я опешил.
— Врач со «скорой» предполагает разрыв сердца.

— Когда это случилось?

— Утром во время завтрака.

— Как же, когда я сам завтракал с ней?!

К вечеру все подтвердилось. Это был обширный инфаркт. Жизнь Ахматовой повисла на волоске... Даже говорить с ней было запрещено, и врач допытывался у домашних, как это произошло: не упала ли больная и не ударились ли как-то при этом, долгой или внезапно короткой была боль, потеряла ли она сознание — и все тому подобное. Но ничего «тому подобного» типичного для такого сердечного удара не было.

Мы сидели за столом и завтракали. Надобно сказать, что под руководством Ардова завтрак в нашем доме превращался в бесконечное, нередкое плавно переходящее в обед застолье. Все приходившие с утра и в первой половине дня — будь то школьные приятели братьев, студенты с моего курса, артисты, пришедшие к Виктору

Ефимовичу по делам, мамыны ученики или гости Анны Андреевны — все прежде всего приглашались за общий стол, выпив за компанию чаю или «кофию», как говорила Ахматова, невольно попадали в круг новостей и разговоров самых неожиданных. А чашки и какая-то нехитрая еда, между делом сменяющаяся на столе, были не более чем поводом для собрания, вроде как в горьковских пьесах, где то и дело по воле автора нужные действующие лица «сходятся за чаепитием».

В этом круговороте постоянными фигурами были только Ахматова и Ардов. Он спиной к окну в кресле, она — рядом, в углу дивана. Оба седые, красивые старые люди, они много лет провожали нас, напутствуя и дружески кивая со своих мест, в институты, на репетиции в поездки, на свидания, а в общем-то в жизнь.

В то утро все шло обычным порядком, только я выпадал первым и, поскольку нужно было уходить, старался по-настоящему съесть бутерброд и успеть выпить чаю. Дождавшись окончания очередной новости, которую принес кто-то из сидящих за столом, Анна Андреевна не спеша поднялась.

— Я на минуту вас покину, — сказала она. Взяла, как обычно, лежащую на диване сумочку, с которой никогда не расставалась, и направилась к двери.

— Анна Андреевна, я уже должен сейчас уходить, вы просили... — начал было я.

Ахматова повернулась, опираясь на полуоткрытую дверь.

— Бога ради, не думайте об этом, Алеша. Мы все решим вечером, — сказала она примирительно и, не торопясь, спокойно вышла из комнаты.

Я ушел. Через некоторое время, заварив очередную порцию свежего чая, мама заглянула в каморку Анны Андреевны. Ахматова лежала неподвижно, сумка была аккуратно поставлена на стул: туда, где стояла обычно, и только смертельная бледность лица заставила маму войти в комнату.

Врач не верил этому рассказу. Тогда он еще не знал Анну Андреевну, вернее, эта грузная старуха еще не соединилась в его воображении с тем поэтом, который несколько годами раньше, написал, обращаясь к страдающим в осаде людям:

«Час мужества пробил на наших часах, И мужество нас не покинет».

Мужество не покидало Анну Андреевну никогда, и полагаю, что это вполне естественно, поскольку мужество — качество, отличающее людей высшего порядка. И совсем не значит, что мужество не проявляется или не украшает людей в самых мирных обстоятельствах, что оно менее привлекательно в добрые и светлые минуты жизни. Нет, именно всегда, если человек действительно обладает им, оно вызывает уважение и освещает его поступки.

Книга А. Баталова «Судьба и ремесло».